

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.35

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-187-204

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЦИКЛИЗАЦИИ (КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОЗА)****А.Д. БОЛАТОВА (АТАБИЕВА)**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Аннотация. В статье проводится исследование феномена циклизации, который получает теоретическое осмысление в качестве самостоятельной научной проблемы на примере произведений тех карачаево-балкарских авторов, в чьем творчестве цикличность проявляется как определяющий принцип поэтики текста. Работа отличается принципиально новым ракурсом рассмотрения и разбора литературных произведений. На материале национальной поэзии/прозы анализируется процесс освоения различных типов циклических структур, дается обоснование данному явлению, анализируется методология вопроса, принципы разграничения поэтического и повествовательного циклов с опорой на принятые трактовки ученых в разъяснении их специфики. Отмечаются исторические предпосылки возникновения подобных форм в литературе, иллюстрируются механизмы циклообразования, выявляются универсальные признаки политекстовых конструкций. В качестве характерных особенностей стихотворного цикла обозначены: авторская интенция, заданность композиции, единая тематическая направленность, относительная автономность частей внутри целого. Устойчивыми чертами эпического повествования видятся контекстно-концептуальная взаимосвязь, наличие сквозных героев, централизующей эпической проблематики, рефранных сюжетных линий. В приводимых примерах отслежена аккумуляция смыслов, стилистические «дублеты», содержательная перспектива (возможность расширения и дополнения), многомерность структуры, способы создания художественной целостности.

Ключевые слова: художественная циклизация; стихотворный и повествовательный циклы; роман-эпопея; диалогия; трилогия; метатекст.

**THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE PROBLEM OF ARTISTIC
CYCLIZATION (KARACHAY-BALKARIAN POETRY AND PROSE)****A.D. BOLATOVA (ATABIEVA)**

*The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific
Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Abstract. The article investigates the phenomenon of cyclization, which receives theoretical understanding as an independent scientific problem on the example of the works of those Karachay-Balkar authors, in whose work cyclicity is manifested as a defining principle of the poetics of the text. The work is characterized by a fundamentally new angle of consideration and analysis of literary works. Based on the material of national poetry/prose, the process of mastering various types of cyclic structures is analyzed, the rationale for this phenomenon is given, the methodology of the issue is analyzed, the principles of distinguishing the poetic and narrative cycles are based on accepted interpretations of scientists in explaining their specifics. The author notes the historical background for the emergence of such forms in the literature, explains the mechanisms of cyclization, and identifies universal features of polytextual structures. As characteristic features of the poetic cycle are designated: the author's intention, the task of the composition, a single thematic focus, the relative autonomy of parts within the whole. The stable features of the epic narrative are the contextual and conceptual relationship, the presence of end-to-end characters, centralizing epic issues, and refractive storylines. In these examples, the accumulation of meanings, stylistic "doublets", meaningful perspective (the possibility of expansion and addition), multidimensional structure, ways to create artistic integrity.

Keywords: artistic cyclization; poetic and narrative cycles; novel-epic; dilogy; trilogy; metatext.

Вопрос о возникновении полилогических структур и введение в научный оборот термина «художественный цикл», обозначающего специфическое понятие с устойчивым значением (под которым подразумеваются несколько произведений, объединенных общностью сюжета, сквозными героями, соотносимым идейным содержанием), ранее находил отражение в литературоведческих изысканиях различных ученых в общемировом масштабе. Феномен циклизации осмыслен исследователями в рамках гуманитарных дисциплин, сформировав отдельное направление в отечественной науке. Многие авторы, рассматривая полилогические формы как «наджанровые объединения», подчеркивают многоуровневый характер их текстовой организации. В северокавказской литературной критике «цикловедческий ракурс» не получил должного внимания, хотя и рассматривался в рамках отдельных исследовательских тем как явление, характерное для поэзии.

Опыт исследования национальной прозы, и романа в частности, берет начало с 1960-х годов и представлен фундаментальными трудами ученых: З.Х. Толгурова, К.Г. Шаззо, Ю.М. Тхагазитова, А.М. Теппеева, А.Х. Мусукаевой, А.М. Сарбашевой, М.А. Хакуашевой, К.Н. Паранук и др. В работах отмеченных авторов эпический жанр анализируется в плане структурно-содержательных особенностей, новаторства проблематики, с точки зрения индивидуальных стилистических решений. Однако приходится констатировать, что, несмотря на факт существования полилогических форм (к которым следует относить романы-эпопеи, дилогии, трилогии, тетралогии, пенталогии), процесс их зарождения и эволюционирования в карачаево-балкарской прозе практически не рассматривался. Этим обстоятельством обусловлено наше обращение к данному вопросу, поскольку он требует

специализированного изучения в будущем. Отсутствие в региональном литературоведении работ, посвященных заявленной теме, позволяет обозначить такую исследовательскую проблему, как генезис полилогических форм. Появление в карачаево-балкарской литературе текстов, структурируемых по циклическому принципу, было не случайным, примеры такого рода имели место еще в мифологии и устном народном творчестве. Их следует принять во внимание, дабы представить объективную оценку повествовательного цикла в эволюционном движении.

Политекстовые конструкции сформировались во всех литературных родах, однако механизмы «циклообразования» в каждом из них отличаются. Поэтому осмысление данного вопроса требует разъясняющих формулировок и обстоятельного ознакомления с соответствующей терминологической базой.

Чтобы дать теоретическое обоснование анализируемому явлению, необходимо коснуться вопросов поэтики, главным образом, структурной организации текстов, входящих в эту самую целокупность. Считается, что обращение к циклической форме подачи художественного материала в большей степени характерно для поэзии. Широкое применение в лирике находят политекстовые структуры, именуемые поэтическими циклами, в которых наблюдается смешение формообразующих признаков. В повествовательных жанрах в роли полилогий, выстраиваемых авторской интенцией (замыслом, намерением), выступает союз из нескольких самостоятельных произведений с общим идейным наполнением.

В поисках возможностей относительно объективной интерпретации обозначенных категорий истории и теории литературы выстроили методологию изучения циклизации как проблемы в различных толкованиях. Существует терминологическое обозначение «контекстных отношений» в лирике и прозе, с которым должен быть увязан анализ соответствующих текстов. Исходя из этого, цикл понимается как постоянно пополняемое, расширяющееся объединение ряда художественных произведений. Данное текстовое образование имеет свойство развиваться, видоизменяться на протяжении определенного времени, что делает указанную форму перспективной в плане комплектации частей целого, а также с точки зрения познавательно-отражающей функции, расширения интерпретационных уровней избираемой автором проблематики. В циклической структуре тексты чаще всего сгруппированы вокруг отдельной темы, эпохи, героя. Все зависит от того, на что конкретно нацелен создающий и какими творческими задачами руководствуется.

На разных этапах развития литературы под влиянием определенных исторических факторов происходило закономерное обращение к таким формам, поскольку они мыслились адекватными действительному жизненному материалу и оказывались способными вместить широкий круг вопросов, волнующих определенное поколение авторов. Так они могли сосредоточиться на изображении реалий разных эпох, объединить поток разрозненной информации в едином художественном поле. Постепенно накапливая внушительный фактический материал и комплекс средств по визуализации

соответствующей идеи, писатель/поэт приступает к их совмещению в рамках поэтического либо повествовательного полотна.

С поэтологической точки зрения данная тема получила детальное освещение в ряду теоретических работ по исследованию творчества поэтов-символистов. Первые серьезные попытки осмысления циклической природы лирических произведений принадлежат В. Брюсову, А. Белому, А. Блоку, которые восприняли это явление как новое качество художественного творчества. Существуют различные, довольно спорные, но рациональные суждения и комментарии относительно того, какие тексты следует относить к лирическому циклу, и почему отдельные стихотворения, входящие в его состав, нужно рассматривать в качестве дополняющих частей единого текстового пространства. Вместе с тем проблема жанрового статуса цикла остается открытой, поскольку возникают трудности с соотношением некоторых характерологических черт.

Один из теоретиков немецкого романтизма А.В. Шлегель в свое время отмечал, что в циклической форме могут выступать такие явления, которые становятся полными только благодаря предшествующему или последующему текстам. Многие современные исследователи придают процессу циклизации характер закономерности. Данная структура понимается как производное от уже имеющегося опыта, допуская различные ассоциации, повторы, параллели и стилистические «дублиеты» в дальнейшем. В.А. Сапогов по-своему объясняет подобное явление, в его трактовке циклически структурируемые произведения сцеплены «при помощи самых различных конструктивных приемов, главным из которых является единая сквозная тема или, что еще чаще, единая авторская эмоция» [Сапогов 1966: 18].

И.В. Фоменко в своей работе «Поэтика лирического цикла» [Фоменко 1990] также выделяет в качестве основного признака особые отношения между текстом и контекстом, позволяющие воплотить в системе определенным образом организованных произведений целостную авторскую концепцию. Именно в таком значении понятие было введено в обиход на рубеже XIX-XX вв., что позволило в какой-то мере уточнить многие характеристики «цикла» (как поэтологического понятия) и «эпопеи» (как контекстно взаимосвязанных повествовательных образцов).

В литературоведении наметилась линия определения системы универсальных признаков циклической формы, принципа выявления циклообразующих связей, разъясняющих характер скрепления смежных текстов. Поэтические произведения, подводимые под это понятие, сближаются общим настроением, направленностью художественной мысли. Они воспринимаются читателем как отдельные эпизоды, однако могут существовать и вне рамок целого. Указывая на эту особенность, исследователь З.Х. Толгуров подчеркивает, что «Каждый элемент цикла свободен в передвижении, имеет замкнутый в себе сюжет, смысл, ценностный уровень» [Толгуров 1991: 226]. Отталкиваясь от соответствующей формулировки, можно сделать вывод об относительной идентичности механизмов структурирования поэтического и повествовательного циклов. Первый «представляет собой цепь тематически

связанных, но внешне различных стихотворений, которые являются, по сути, отдельными эпизодами» [Атабиева 2008: 41]. Точно так же полилогии в прозе имеют сопрягаемый сюжет, цельную композицию, сквозной идейно-художественный замысел.

Все вышеперечисленные моменты можно проиллюстрировать на конкретных примерах из национальной литературы. Существуют художественные тексты, безусловно относящиеся к стихотворному циклу по совокупности определяющих признаков, но имеют место и те, в которых только просматривается тяготение к циклизации. В этом отношении показательны «Сиваш» и «Перекоп» К. Кулиева, «Близкие мелодии издалека», «Песни Назыма Хикмета» Т. Зумакуловой. В произведениях превалирует лирическое начало, связь стихотворений основывается на объединяющей теме, герое, идее, однако они не лишены внутренней свободы. Тексты, составляющие циклическую структуру, способны функционировать по-отдельности, поскольку отличаются логической завершенностью мысли.

Типичным примером рефренного структурирования поэтического текста является цикл К. Отарова «Сенден узакьда» («Вдали от тебя»), который составлен из десяти стихотворений. Каждый отдельный фрагмент имеет свой подзаголовок, сама внутренняя организация делает безусловным позиционирование этих смежных текстов как полноценного поэтического цикла.

Следует подчеркнуть, что проблема дифференциации, определения жанра художественных произведений продолжает оставаться дискуссионной, несмотря на наличие большого числа авторитетных исследований в данной области. Опыт показывает, что существующие теоретические определения условны и не всегда позволяют адекватно характеризовать схожие варианты. Ситуация усугубляется тем, что некоторые поэты и писатели не считают необходимым придерживаться четкой разграничительной линии, классифицируя свои сочинения по собственному усмотрению. В балкарской литературе (впрочем, как и в любой другой) немало примеров неверного толкования (литературной критикой в том числе) жанровой принадлежности текстов. Одним из таких ошибочных представлений является отнесение поэтического цикла к поэме.

Такое наблюдается в произведении А. Созаева «Жер» («Земля»), которое ни в конструктивном плане, ни содержательно не соответствует поэмной форме. Точно так же, как названные поэмами циклические объединения стихов И. Бабаева «Элия бешик» («Колыбель молнии» – состоящее из семидесяти семи частей), «Туугъан ташым» («Камень родного очага»), «Китабым» («Моя книга») на поверку таковыми не являются. Фактически структура указанных произведений подпадает под определение цикла, поскольку каждый текст в составе этой целокупности может существовать автономно, несмотря на то, что в их содержании обнаруживается тематическая повторяемость. Для подобных примеров соответствует определенный тип художественного единства, характеризующийся некой внутренней закономерностью. Цикл – это ряд формально замкнутых, самостоятельных произведений, которые на уровне

образной системы, авторской концепции подразумевают связь с предыдущими текстами, дополняющими и продолжающими их проблематику. Тогда как вычленение какой-либо части поэмы неизбежно приводит к отрывочности, неполноте содержания.

В сборнике стихотворений и поэм М. Беппаева «Эльбруслу Малкъарым» («Моя Балкария, в которой Эльбрус есть») применимость циклического структурирования можно проиллюстрировать на примере группы стихотворений «Сюргюнчю» («Переселенец»), посвященной теме депортации. Творческое освоение формы поэтического цикла характерно и для карачаевского автора Н. Хубиева, о чем свидетельствует текстовая организация произведений «Мени Шаркъым» («Мой Восток»).

В национальной поэзии XX века плодотворно развивалась и такая форма как венки сонетов, усложненная композиция которого предполагает сочленение текстов с помощью приема обрамления. Примечательны своеобразные определения данного жанра: на кабардинском языке оно звучит как «сонет *Іэрамэ*» (дословно – «охапка» или «букет сонетов»), схожая интерпретация наблюдается у карачаевцев – «сонет *джоппу*» (буквально – «букет сонетов»), в балкарском варианте подобные тексты принято называть «сонет *минчакъла*» (что в переводе означает «бусы из сонетов»). И в том, и в другом случаях подразумевается процесс нанизывания текстов. Мало кто задумывался, что ступенчатая архитектура венка сонетов основана на циклическом принципе построения. С теоретической точки зрения нет соответствующей методологической базы для более убедительной аргументации подобного утверждения. Однако наличие приема обрамления является верным признаком, подтверждающим данный вывод. Логика выстраивания частей в венке сонетов подчиняется ступенчатой модели, благодаря чему строки слаженно функционируют внутри этой системы.

В книгах А. Байзуллаева «Узакъ аулакъ» («Далекая равнина») и «Жангыз терек» («Одинокое дерево») опубликованы сонеты «Туман заман» («Туманное время»), «Къызыл кёрюмдю» («Красное видение»), «Федерико Гарсиа Лоркадан» («Из Федерико Гарсиа Лорки»). Венки сонетов состоят, как правило, из 15 произведений с определенным количеством строк (устойчивая схема – 14 строк). Сходная внутритекстовая организация характеризует и группу стихотворений, объединенных в цикл под общим названием «Къуранны эниклеу» («Подражание Корану»). Частым обращением к сонетной форме характеризуется также творчество карачаево-балкарских авторов М. Мокаева, Х. Байрамуковой, С. Гуртуева.

Наибольшую актуальность по части исследовательского интереса приобретает менее изученный вопрос освоения циклических структур в прозе. Обращаясь к материалу эпической литературы, следует подчеркнуть применимость вышеперечисленных характеристик к повествовательным текстам, объединяющимся на определенном этапе в идейно-тематическую целостность благодаря ассоциативным связям, сквозным, рефренным образам, пространственно-временным ориентирам, взаимообусловленным социально-историческим обстоятельствам и связующей глобальной проблематике.

Таковыми являются формы многочастных повествовательных циклов (дилогии, трилогии, тетралогии, пенталогии).

Показательны в этом плане размышления отечественных исследователей, стремящихся определить специфику выстраивания подобных текстов. М.Н. Дарвин подчеркивает, в частности, что «Художественная циклизация – это широкая возможность объединения произведений в различные формы не только цикла. Сам же цикл, думается, точнее определять не как одно произведение, но как множество произведений, как произведение произведений» [Дарвин 1997: 9]. Важным в разъяснении сути рассматриваемой темы представляется и следующее соображение ученого: «Можно, очевидно говорить о том, что лирика обладает своим собственным, специфическим языком, тяготеющим к различным соотражениям, к образованию каких-то достаточно емких и целостных контекстов. В связи с этим актуализируется понятие контекста. Целостность полилогической формы находится в прямой зависимости от степени структурной автономности составляющих его элементов, а его единство следует рассматривать как единство противоположностей, характеризующееся действием как центростремительных, так и центробежных сил. Поэтому известная «извлекаемость» отдельного произведения из контекста не менее важный его признак, чем целостность или «неделимость» [Дарвин 1997: 10-11]. В предложенной интерпретации дилогия, трилогия и тому подобные вариации полилогий рассматриваются как произведения, организованные по принципу линейной связности, т.е. хроники.

В статье Баланчук О.Е. «Дилогия в русском литературном процессе: генезис и эволюция» обозначены основные принципы организации дилогической целостности. В качестве формальных признаков жанра ученый определяет переходящий, продолжающийся сюжет, идею, общих героев. Далее подчеркивается, что «пик развития романной дилогии в русской литературе приходится на 1860–1880-е годы, а прозаические явления, организованные по принципу дилогии обнаруживаются уже в 1830-е годы (повести М. Погодина, В. Одоевского, Н. Полевого)» [Баланчук 2010: 8].

Анализ полилогических текстов на уровне фабульной организации произведений, а также идейной составляющей с указанием на взаимообусловленность таковых отличает диссертационное исследование Ласточкиной А. С. «Нарративные стратегии в дилогии У. Голдинга «На край земли» [Ласточкина 2011]. В предпринятом научном изыскании представлена «рецептивная методология», позволяющая проследить «аккумуляцию смыслов» в смежных художественных текстах, различные модификации эпического повествования, комплекс композиционных приемов, способствующих объединению в целостность самостоятельных частей дилогии. Она рассматривается на материале аллегорических романов «Повелитель мух», «Шпиль» английского писателя У. Голдинга.

Свое видение жанровой природы романа-эпопеи и литературного цикла в целом представили М.Н. Дарвин, Т.Н. Фоминых, А.В. Чичерин, Ю.И. Крутов, Л.Е. Ляпина и др. Исследователями анализируется принцип разграничения

произведений по типу повествования. Прослеживая становление эпопеи в советской прозе 1920-х годов, Фоминых Т.Н. подчеркивает, что решающим историческим условием возникновения и предметом изображения в ней является «всеобщее эпическое состояние мира», следовательно, исходным для характеристики эпопейного начала может стать художественная интерпретация «исторического события как эпической ситуации» [Фоминых 1984].

Интерес к указанной проблематике (литературной циклизации, генезису полилогических форм) значительно возрос в 1960-е годы. Рассматривая так называемую «деревенскую» прозу в литературе советского периода (творчество М. Шолохова, В. Шукшина, В. Астафьева и др.), ученые отмечают, что драматическая, сложная реальность обуславливала искаженные формы сознания. Согласно теории Л.Н. Гумилева, кризисные исторические эпохи порождают «пассионарный толчок» [Гумилев 2019] в самосознании народа, и на его основе возникают произведения, содержащие эпопейные черты. А.В. Чичерин [Чичерин 1975] и другие исследователи внесли некоторые пояснения в понимание традиционных форм романа, в качестве родовых признаков которого определены: эпичность, многоуровневость сюжета, масштабы отражения действительности, глобальность проблематики, множество полноценно оформленных характеров.

Что же касается современных исследований в данной области литературоведческого анализа, следует упомянуть Ю.И. Крутова и его работу «Генезис и трансформации эпопейных жанровых признаков в прозе XX века», в которой ученый анализирует критерии эпопейного повествования в западноевропейской и русской литературах минувшего столетия. В качестве устойчивых черт выделены: историзм, народность, непосредственное изображение «текущего времени». Им отмечается, что «В поэтике романа торжествует принцип самодостаточности художественного вымысла, его независимость от реальной жизни» [Крутов 2006: 17], вместе с тем объем и идейно-художественное содержание не являются достаточным основанием эпопейности повествования. В произведениях, классифицируемых как роман-эпопея, наличествуют национальная героика, массовые сцены исторического значения, генеалогия действующих лиц, благодаря чему читатель получает возможность проследить эволюцию героев. Данная форма способна вместить «субстанциональное содержание народной жизни» (Гегель), «художественную концепцию мира» (Н.К. Гей) и обобщенный взгляд на действительность.

В ряду теоретических изысканий, освещающих повествовательные циклы, следует отметить работы Е.Л. Пивоваровой («Принцип циклизации как эксперимент в прозе в начале XX в.: к постановке вопроса») [Пивоварова 2018] и Л.В. Татару («Точка зрения и ритм композиции нарративного текста: на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф») [Татару 2009]. В круг лингвистических вопросов, касающихся смысловой перспективы и «нарративного потенциала» художественного текста (немаловажного при изучении полилогических форм), вовлекаются исходные категории, на основе которых выстроены подобные произведения. В том числе такие факты текстообразования, как стиль, образ автора, смысл и т.д. По мнению ученых,

синтез «когнитивного и коммуникативного планов текста» направлен на построение целостной модели романов-эпопей. Центральное для когнитивной лингвистики понятие «концепта» также имеет существенное значение в уяснении специфики текстового пространства полилогий.

Проблема терминологического определения этого понятия разъясняется через разнодисциплинарные трактовки. Собственно художественный текст обозначен в науке как «единство двух нервующихся линий» [Хализев 1999: 99]. С позиции лингвистики значимыми в оценке циклических структур являются «когнитивный механизм текстообразования», «нарратив в толковании текста», его делимость на соизмеримые сегменты. С учетом такого подхода, определяется логика выстраивания метатекстового пространства с литературоведческой точки зрения. Исходя из вышеизложенного, анализ художественного цикла основывается на соотношении целого и его частей в гармонии и симметрии.

Полилогии являются специфической жанровой формой с межтекстовыми взаимосвязями, образующими целостность более высокого и сложного порядка. Части циклической структуры мыслятся как самостоятельные звенья «макроконтекста». Составляя архитектурное единство, но сохраняя известную автономность, циклы рассказов, новелл, повестей и романы-эпопеи подчиняются общим конструктивным принципам. Отдельные фрагменты полилогической формы рассматриваются одновременно как «текст», «контекст» и «интертекст», образующие художественную целостность сопряженных частей. Эти композиционно завершенные произведения представляют собой продолжение предыдущей книги, дополняющее, корректирующее, расширяющее заданную проблематику. Поэтика прозаического цикла усложняется наличием параллелей, ассоциаций, мотивной, идейно-ценностной и образной соотносимостью.

С этим моментом сопряжены вопросы, касающиеся особенностей функционирования хронотопа, выстраивания взаимоотношений между автором и читателем, само пространство текста мыслится как поле их взаимодействия. Возникает такая категория как реальность в условной «темпоральности» – семантический термин, обозначающий временную логику повествования. Многомерная сущность понятия времени не ограничивается привязкой к категории пространства, оно мыслится намного шире. «Пространственно-временной континуум» в системе поэтики полилогий (дилогии, трилогии, тетралогии, пенталогии) выступает на передний план при анализе межтекстовых взаимосвязей.

Следует сказать, что время в мифологическом понимании изначально носило циклический характер. В религиозном представлении причастность героя, образа или события ко времени получает однолинейную направленность в будущее. Таким образом, на различных этапах эволюции сознания человек продуцировал тот или иной тип хронотопа. В зависимости от воплощаемой идеи писателем избирался соответствующий ритм и последовательность действий, ориентация на определенный «модус времени».

Поскольку такого рода произведения являются сложными полижанровыми образованиями, основанными на интертекстуальных связях соотносимых частей, категория времени получает в них всеохватность. Хронотоп в данном случае многофункционален и вмещает в себя авторский дискурс, интертекст, обратную связь *читатель – автор – текст*. Особенности маркирования каждой последующей книги в подобных образцах основывается на преемственности, поэтому они рассматриваются как постепенно эволюционирующее художественное целое, в контексте которого триада *текст – метатекст – интертекст* образует неразрывное целое («единство во множестве»).

Произведения, относящиеся к диалогическим образованиям, имеют место в каждой национальной прозе. Данная форма мыслится весьма перспективной в плане масштабов изображения, поскольку эпическая проблематика получает поэтапное раскрытие. Логика формирования повествовательного цикла допускает вовлечение в единое поле динамическую схему одновременных событий, объективирующих историческую действительность протяженностью в несколько веков. Отмеченное свойство трактуется как возможность концептуализации истории. Проблема этнического прошлого закодирована в содержании цикла романов, задавая тон для адекватной интерпретации читателем смыслового объема нескольких повествований. Трактовка концептуального содержания основана преимущественно на субъективно-оценочном восприятии. Особую сферу в конструировании диалогий и трилогий составляет процесс синтеза различных планов выражения. Писатели прибегают к паузам, приемам умолчания. Недосказанность сюжета, ступенчатое раскрытие темы заставляют читателя самому домысливать предполагаемую концовку либо находиться в ожидании продолжения, дальнейшего развития намеченных ранее повествовательных линий.

Серийность повествования – известная литературная практика, основанная на ретроспективе событий прошлого, неспешном и постепенном их воспроизведении, создании «слепок» реальности, характеров в их динамике и личностной эволюции. Масштабы избранной проблематики и необходимость максимально полной реализации авторской концепции требовали неоднократного возвращения к однажды обозначенной теме. Этим объясняется логическая связность составных частей, внутреннее психологическое родство обыгрываемых персонажей, повторяемость сюжетных ходов. В этом плане интересен сборник коротких повестей М. Геттуева «Человек на марше» (1982). В числе произведений, вошедших в данную книгу, выделяется повесть «Капитан Сармакии», содержание которой составляют девять сцен из фронтовой жизни капитана Гатижокова. Автор сумел воплотить смелую по тем временам художественную идею совмещения нескольких взаимодополняющих текстов внутри единого произведения, что было нечастым явлением в национальной литературе.

Такие вопросы как процесс нравственного возмужания героя, его социальное самоопределение, выбор жизненного пути, перемены в духовном облике, напряженный поиск самого себя, трансформация личности под

натиском исторически изменчивой действительности чаще всего реализуются в контексте трилогии либо дилогии. Обращение к таким формам продиктовано потребностью в фиксации значимых перемен в психологии героев. В некоторых персонажах литературных произведений уловимы черты их создателя. На авансцену художественного текста выдвигаются динамично развивающиеся характеры, событийность произведений уплотняется, время и место действия могут варьироваться, однако их идейная основа сохраняется, закрепляется, подается более выпукло.

Поскольку писатели, обладающие эпическим мышлением, ориентированы на панорамность, широту охвата, выявление предыстории событий, в частях дилогического целого обнаруживаются сходства, совпадения идейного плана, взаимосвязь описываемых моментов, факты и жизненные судьбы героев перекликаются, допуская возможность хронотопической удаленности. Степень объективации жизненных перипетий, ступени становления отдельной личности, мировоззренческие установки автора – все это отражено посредством циклического воспроизведения. В некоторых полилогических формах заметна дневниковость повествования, при несомненном приоритете нравственно-этической подоплеки событий, философских размышлений онтологического свойства.

Писателей, освоивших циклические структуры (главным образом жанр дилогии, трилогии, романа-эпопеи) не так много, их можно охарактеризовать как сложившихся мастеров художественного слова. Национальные авторы развивают сложную по меркам того времени форму, следуя основным принципам построения жанра. Роман «сохраняет генерирующие признаки», заключая в своем контексте эпический масштаб выражения.

В литературах Северного Кавказа на начальном этапе формирования художественной традиции доминирующими были темы, связанные с революцией, колхозным строительством, военной эпохой и выселенческим периодом. С намерением продолжить свои наблюдения и размышления на заданную тему, художники обращаются к различным этапам истории, выводя хронику событий революционного прошлого, военных лет, послевоенных десятилетий, периода депортации или современной эпохи. Подчиняясь единой композиционной организации соотносимых частей, в дилогиях и трилогиях достигается полномасштабное отражение актуальной проблематики. События, ставшие предметом художественного осмысления, во многом предопределяли структуру произведений. Так, на определенном этапе формообразующие элементы художественного текста являлись порождением военной реальности (гуманистический смысл подвига очерчен во многих образцах национального эпического повествования).

Карачаевская проза (а именно – крупные эпические формы эпического характера) представлена именами А. Урусовой (примером полилогий в ее творчестве служит роман «Айсанат», состоящий из двух одноименных книг), О. Хубиева (трилогия «Аманат»), Д. Кубанова («Эки заман» – «Два времени»). Сюда же следует отнести роман Х. Аппаева «Къара кюбюр» («Черный сундук»), задуманный как часть дилогии. В силу объективных обстоятельств,

вторую книгу автор завершить не успел. Замысел писателя был реализован Д. Кубановым, который дописал и опубликовал заключительную часть повествовательного цикла – роман «Таулада таууш» («Голос в горах»). Представленные примеры свидетельствуют о значительном интересе национальных прозаиков к художественной циклизации.

В отмеченном плане показательна также диалогия кабардинского писателя А. Кешокова «Вершины не спят». В романе «Сабля для эмира» отражены последствия Кавказской войны, повлекшие за собой массовую эмиграцию адыгов в Турцию. Он охватывает три последовательных исторических этапа, вбирающие революционные преобразования, пору гражданской войны и период Первой мировой. Трилогия, состоящая из романов «Долина белых ягнят», «Грушевый цвет», «Сломанная подкова» стала заметным явлением адыгского словесного искусства. Историческое мышление присуще и такому автору, как Маржохов М. Его перу принадлежит роман-эпопея «Щит Тибарда», написанный в духе героических сказаний о драматических событиях истории этноса.

Приверженность отдельных авторов к эпической хроникальности повествования объясняется «эффектом накопления материала», который подразумевает дальнейшее достраивание сюжета с параллельным отслеживанием личностной градации героя. Подобное явление объясняется желанием прозаиков к показу эволюции характеров, иллюстрации исторической динамики. Воссоединение разрозненных, обособленных частей диалогии, трилогии и тому подобных форм продиктовано стремлением художников к полноте реализации творческой задачи и является закономерным следствием незавершенности смысла, недосказанности мысли. Чтобы добиться эпической полноты изображаемых событий или явлений, писатели допускают расширение рамок повествования и выход за грань отдельного произведения. В таком случае один роман призван дополнить предыдущий, фокусируя внимание читателя на определенных мотивах. Принцип построения трилогии и диалогии нашел наиболее эффективное применение в романной форме и в жанре повести. Хотя (по логике) в данном контексте следует также рассматривать цикл рассказов и новелл на заданную тему, где тексты произведений относительно самостоятельны, но тесно сплетены сюжетикой, проблематикой, образностью (в качестве иллюстрации можно привести книгу прозы Бегиевой-Кучмезовой Р. «Мгновений кольца, времени круги»). Каждый из них добавляет новую информацию, привносит свои характеристики, относящиеся к сквозным персонажам, оттеняя определенные грани в отражении социально-общественных реалий.

Диалогии и трилогии 60-70-х годов XX века создавались как части широких эпических полотен. В связи с этим возникает вопрос об эпическом потенциале темы Отечественной войны. Развитие данной проблематики напрямую связано с магистральной эпопейной тенденцией во всей советской литературе, что обуславливало превалирование публицистического начала, тяготение к документализму в первых опытах создания произведений подобного рода. Тексты носили выраженный летописный характер, и это

вполне объяснимо. Фронтной быт, перестройка человеческой психики под влиянием экстремальных обстоятельств, формирование человека на войне характеризовали их ценностно-содержательный уровень. Синтез эпохи, усиление интереса к политическим аспектам народной жизни – явление закономерное для того времени.

Героика отличает содержание эпосов прозаика О. Этезова. Роман «Тарда» («В теснине») задуман как первая книга трилогии, его продолжением считаются романы «Аслан», «Урушну отунда» («В огне войны»), опубликованные уже после смерти писателя. В свете последних уточняющих данных включение произведения «Аслан» в состав трилогии оказывается дискуссионным. Существует предположение относительно того, что в содержательном плане и с точки зрения хронологической последовательности роман не может считаться продолжением незавершенной трилогии. Каждую из предложенных версий можно оспорить, поставить под сомнение, поскольку доподлинно не известно, каким был замысел самого писателя. В данном случае важно указать, что произведения сцеплены единой идеей, однако последовательность изложения намеренно нарушается автором, им используется прием отсылки в предысторию хроники. История в трилогии выступает как факт и как национальное прошлое, в ее концепции очевидна нацеленность писателя на художественное воплощение национального характера.

Региональная проза, ввиду своей эпичности, затрагивает события, связанные с исторической судьбой этноса. Критикой отмечается, что «Конец 60-х годов вошел в историю развития прозы балкарцев как особый период, когда многие писатели начинают ориентироваться на преодоление однопланового изображения жизни, на создание таких произведений, которые бы вписывались в контекст художественных общесоюзных исканий. В этом плане обозначенный период является началом качественно новых эстетических контактов балкарской литературы с духовными ценностями других народов в целенаправленном использовании их литературных традиций» [Толгуров 2010: 195]. Такова трилогия Ж. Токумаева «Кинжал мести», состоящая из одноименного произведения и романов «Сталь не сгибается», «Бессонные горы». Хронологические рамки этой серии включают период насаждения советской власти в регионе, события коллективизации на селе, завершающая часть описывает годы тотальных репрессий. В основе циклического повествования – нравственная подоплека межличностных взаимоотношений героев, их непримиримое столкновение, обусловленное сословным разделением. Части указанной трилогии обозначили значимые вехи движения народной истории, в них переплетены драматические изломы человеческих судеб на фоне переломных событий.

Примером циклического построения сюжета могут служить и комедийные пьесы автора, главным персонажем которых выступает Чонай. В этом же ряду стоит упомянуть «Рассказы Алдарбека из Курнаята», в которых заметно стремление писателя к использованию художественных ресурсов сатирического жанра. В отличие от прозы раннего этапа, отмеченной перевесом

трагедийного начала, в последующем творчестве Ж. Токумаева наблюдается преобладание позитивного мировосприятия.

Довольно перспективным на пути развития эпического повествования видится творчество балкарского прозаика Х. Шаваева. Зачатки полилогической формы выявляются в структуре повестей «Последний день недели» («Ыйыкны ахыр кюн»), «Асият», «Повесть, найденная в сундуке» («Кюбюрде табылган повесть»), объединенных общей проблематикой – темой депортации балкарского народа в Среднюю Азию. «Повесть, найденная в сундуке» продолжает развивать трагическую историю, начатую в сюжетной линии повести «Асият». Его содержание также высвечивает судьбу женщины горянки, но уже в трагических обстоятельствах, обусловленных военной действительностью и периодом выселения. Но, несмотря на внешнее формальное сходство текстов, явные совпадения в образной системе и перекликающееся содержание, упомянутые произведения все же не сложились в трилогию. Отмеченные элементы не стали достаточным аргументом, чтобы отнести самостоятельные во всех смыслах повествования писателя к полилогическому жанру. Данные примеры приведены нами с целью демонстрации случаев нестыковок с принятыми определениями эпичности.

Примеры объединения драматургических произведений в повествовательный цикл имеют место в творчестве И. Маммеева. По аналогии с нартскими сказаниями стилизованы пьесы писателя «Крепость Шамая» и «Нарт Ёрюзбек». Их содержание составили героические подвиги эпических героев. Авторский юмор несколько смягчает явный антагонизм добра и зла, а сказочность сюжета позволяет легко реализовать их постановку на сцене.

Трилогия И. Боташева, составленная из драматических пьес «На рассвете», «Абрек», «Встретимся ли?», призвана отразить сложность ситуативной постановки героев перед выбором – совесть или долг. В фокусе писательского внимания находится нравственно-этическая проблематика. В данном случае необходимо подчеркнуть, что драматургические жанры (так же как формы исторической повести и романа) были еще на стадии становления, чем объясняются существенные просчеты концептуального плана. Однако, в общем и целом, анализируемые образцы привнесли свою лепту в прогрессивное развитие национальной прозы.

Ведущий прозаик современности – З. Толгуров наметил в форме диалогической целостности романы «Большая медведица» и «Голубой типчак». Но подобное авторское определение, опять же, является спорным, если учесть отсутствие между ними какой бы то ни было контекстуальной взаимообусловленности. В своем эпическом творчестве писатель лишь единожды прибегает к возможностям повествовательного цикла, имея целью глубже показать процесс самоопределения личности, нравственных поисков героев, выявить факторы, мотивирующие их поступки. Такова фабула повести «Рассыпавшиеся бусы», несколько позже реализованная в широком контексте романа «Белое платье». Внимание автора сфокусировано на теме любви и противоречивых взаимоотношениях художника Зекерии и Аскерхан. Сюжет и герои произведения плавно переносятся в содержательные рамки более

крупного эпического повествования в дополнение к другим параллельно развивающимся линиям. Аналогичная схема развития рефренного сюжета наблюдается в романе А. Теппева «Мост Сират» и повести «Солнце не заходит» (тексты соотносимы содержательно, композиционно и на уровне образных ассоциаций).

В начале XXI века полилогические формы продолжали разрабатываться в творчестве прозаика А. Теппева. Цикличность очевидна в мифоэпической серии романов «Ас-Тах», «Баязир», «Золотой Хардар». В произведениях обыграна современная действительность в сопряжении с древней историей, здесь часты пантеистические моменты, характерные для языческого прошлого. Развернутое изображение способствует параллельному освещению событий различных эпох, определению переломных этапов этнической истории, выявлению наиболее значимого, узлового мотива. Эпические тексты, выстраиваемые по хронологии событий, вырисовывают историю народа на протяжении столетий. Завершают эту временную последовательность современные жизнеописания героев. В содержании романов-эпопей сильны социально-философские мотивы, что дает возможность их классифицировать как «философско-аллегорические романы».

Адаптированность категорий времени и пространства к конкретной исторической плоскости прослеживается и в творчестве М. Кучинаева. Писатель выказывает стремление к созданию полисюжетных, «хронотопически детерминированных моделей». Такой «пространственно-временной субстрат» имеет место в структуре романов «Большая Балкария», «Сказание об аланах», «Дети солнца», являющихся логическим продолжением друг друга и повествующих о далеком этническом прошлом. Создавая трилогию, писатель отталкивался от архаического материала, указание на это заключено в говорящих названиях произведений. Что касается композиционной целостности, в поэтапно развивающемся повествовании выделяются три смысловые части, фиксирующие определенный отрезок исторической действительности. В первом примере нашло отражение сословное разделение в Балкарии, текст насыщен множеством этнографических деталей. Следующий роман («Сказание об аланах») по форме максимально приближен к историко-героическим песням, в нем отражены исторические судьбы аланского государства, его противостояние нашествию Чингизхана. «Дети солнца» представляет собой историческую хронику условий существования скифского государства. Содержание произведения вобрало процесс «борьбы алано-скифских племен в VI в. до н.э. Это – золотой век Скифии, когда она достигла вершин славы и доблести» [Сарбашева 2003: 256]. Здесь мы наблюдаем процесс, когда историческая хроникальность уступает место абстрагированному повествованию.

Из приведенных примеров явствует, что модификации романной формы в балкарской прозе весьма разнообразны, они представлены во множестве вариаций. Произведения можно назвать итоговыми в развитии диалогической формы в национальной литературе. Новационные черты определяются как в принципах построения прозаического текста, так и в архитектонике хронотопа,

способах формирования сюжетных линий повествования. Такой конституирующий элемент полилогической формы, как «эффект накопления информации», предопределяет наличие весомого концептуального содержания и соответствующий масштаб отражения действительности. Данное обстоятельство позволяет вычленивать их из общего материала карачаево-балкарской эпической литературы, ведущей тенденцией которой была и остается историческая проблематика.

Анализ процесса эволюционирования полилогических жанров в национальной эпической прозе позволяет сделать вывод о том, что событийная плотность, эмотивная составляющая, высокая степень достоверности описываемых ситуативных моментов, глубинный психологизм и прочие содержательные аспекты романного повествования подчинены воплощению «парадигмы качеств крупной формы».

Как уже отмечалось, память актуализируется в перспективе художественного текста. Содержательный компонент расширяется, получая различные ракурсы, что позволяет улавливать и накапливать «кванты» информации. Все эпизоды складываются в целостную картину, симметричную соразмерность частей. Периодичность текстовых элементов заставляет читателя соотносить отдельные фрагменты друг с другом, стараясь нащупать контекстные переключки. Процесс развития сюжета, простирающегося во времени и пространствах реализуется методом проекции, что позволяет фокусироваться на главном, объединяющем мотиве. Своеобычно структурированный ход событий способствует постепенному «погружению» в смысловые поля цикла. Интенция, как направленность авторского сознания (коммуникативное намерение), становится ведущей текстообразующей категорией, она же обуславливает сведение смысла повествований в единую концепцию. Однако группировка нескольких текстов в диалогическую форму не всегда является замыслом самого автора, это может происходить и помимо воли художника.

В книгах национальных писателей представлена широкая панорама социально-общественной жизни, исторических судеб северокавказских народов. Тяготение к циклическому воспроизведению событий прошлого и настоящего объясняется их потребностью в более глубоком монументальном осмыслении действительности. Наметив тематическое продолжение в поэтических жанрах, а также в формах повести и романа, авторы обобщают накопленный прежде художественный опыт, стремясь к переосмыслению «фактической подосновы» изображаемого. Все сказанное позволяет отнести проанализированные произведения к свершениям национальной поэзии и прозы, наметившим новый курс в развитии карачаево-балкарской литературы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Атабиева 2008 – *Атабиева А.Д.* Лирика Танзили Зумакуловой: традиции и новаторство. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 128 с.

Баланчук 2010 – *Баланчук О.Е.* Диалогия в русском литературном процессе: генезис и эволюция // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 2 (Том 1). – С. 7-16.

Гумилев 2019 – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 704 с.

Дарвин 1997 – *Дарвин М.Н.* Художественная циклизация лирических произведений. Спецкурс. Тексты лекций. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 40 с.

Крутов 2006 – *Крутов Ю.И.* Генезис и трансформации эпических жанровых признаков в прозе XX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 26 с.

Ласточкина 2011 – *Ласточкина А.С.* Нарративные стратегии в диалогии У. Голдинга «На край земли». Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 204 с.

Пивоварова 2018 – *Пивоварова Е.Л.* Принцип циклизации как эксперимент в прозе в начале XX в.: к постановке вопроса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 40-43.

Сапогов 1966 – *Сапогов В.А.* О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока // Язык и стиль художественного произведения. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1966. – С. 18-22.

Сарбашева 2003 – *Сарбашева А.М.* Кучинаев Магомед Юсупович // Биобиблиографический словарь. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конца 80-х гг. XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 254-256.

Татару 2009 – *Татару Л.В.* Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулфа). Дисс. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2009. 419 с.

Толгуров 1991 – *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 285 с.

Толгуров 2010 – *Толгуров З.Х.* Балкарская литература 1960-90-х годов // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 183-204.

Фоменко 1990 – *Фоменко И.В.* Поэтика лирического цикла. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 32 с.

Фоминых 1984 – *Фоминых Т.Н.* Становление эпопеи в советской прозе о первой мировой войне (20-е годы). Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 208 с.

Хализев 1999 – *Хализев В.Е.* Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 400 с.

Чичерин 1975 – *Чичерин А.В.* Возникновение романа-эпопеи. – М.: Советский писатель, 1975. – 376 с.

REFERENCE

ATABIEVA A.D. *Lirika Tanzili Zumakulovoi: traditsii i novatorstvo* [The lyrics of Tensilya Zumakulova: tradition and innovation]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 128 p. (In Russian)

BALANCHUK O.E. *Dilogiya v russkom literaturnom protsesse: genezis i evolyutsiya* [Dilogy in the Russian literary process: Genesis and evolution]. IN: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. – 2010. – No. 2 (Vol. 1). – P. 7-16. (In Russian)

CHICHERIN A.V. *Vozniknovenie romana-epopei* [The origin of the epic novel]. – М.: Sovetskii pisatel', 1975. – 376 p. (In Russian)

DARVIN M.N. *Khudozhestvennaya tsiklizatsiya liricheskikh proizvedenii. Spetskurs. Teksty leksii* [Artistic cyclization of lyrical works. Special course. Texts of lectures]. – Кемерово: Kuzbassvuzizdat, 1997. – 40 p. (In Russian)

FOMENKO I.V. *Poetika liricheskogo tsikla. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Poetics of the lyric cycle. Abstract of dissertation for the doctor of philological sciences degree]. – М., 1990. – 32 p. (In Russian)

FOMINYKH T.N. *Stanovlenie epopei v sovetskoj proze o pervoi mirovoi voine (20-e gody). Diss. ... kand. filol. nauk* [The formation of an epic in Soviet prose about the first world war

(twenties). The Dissertation for the candidate of philological sciences degree]. – M., 1984. – 208 p. (In Russian)

GUMILEV L.N. *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the earth's biosphere]. – M.: Izdatel'stvo AST, 2019. – 704 p. (In Russian)

KHALIZEV V.E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. – M.: Vysshaya shkola, 1999. – 400 p. (In Russian)

KRUTOV Yu.I. *Genezis i transformatsii epopeinykh zhanrovnykh priznakov v proze XX veka. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Genesis and transformations of epic genre features in prose of the XX century. Abstract of dissertation for the candidate of philological sciences degree]. – M., 2006. – 26 p. (In Russian)

LASTOCHKINA A.S. *Narrativnye strategii v dilogii U. Goldinga «Na krai zemli»*. Diss. ... kand. filol. nauk [Narrative strategies in the novels of William Golding «On the edge of the earth». The Dissertation for the candidate of philological sciences degree]. – SPb., 2011. – 204 p. (In Russian)

PIVOVAROVA E.L. *Printsip tsiklizatsii kak eksperiment v proze v nachale XX v.: k postanovke voprosa* [The principle of cyclization as an experiment in prose at the beginning of the XX century]. IN: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika*. – 2018. – No. 1. – P. 40-43. (In Russian)

SAPOGOV V.A. *O nekotorykh strukturnykh osobennostyakh liricheskogo tsikla A. Bloka* [On some structural features of A. Blok's lyric cycle]. IN: *Yazyk i stil' khudozhestvennogo proizvedeniya* [Language and style of a work of fiction]. – M.: MGPI im. V.I. Lenina, 1966. – P. 18-22. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Kuchinaev Magomed Yusupovich*. IN: *Biobibliograficheskii slovar'. Pisateli Kabardino-Balkarii (XIX – kontsa 80-kh gg. XX v.)* [Biobibliographic Dictionary. Writers of Kabardino-Balkaria (XIX – late 80s. XX century)]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – P. 254-256. (In Russian)

TATARU L.V. *Tochka zreniya i ritm kompozitsii narrativnogo teksta (na materiale proizvedenii Dzh. Dzhoisa i V. Vulfa)*. Diss. ... d-ra filol. nauk [The point of view and the rhythm of the composition of a narrative text: based on the works of J. Joyce and W. Wolfe. The Dissertation for the doctor of philological sciences degree]. – Saratov, 2009. 419 p. (In Russian)

TOLGUROV Z.Kh. *Balkarskaya literatura 1960-90-kh godov* [Balkarian literature of the 1960s-90s]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – P. 183-204. (In Russian)

TOLGUROV Z.Kh. *V kontekste dukhovnoi obshchnosti* [In the context of spiritual community]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 285 p. (In Russian)